

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ВЗГЛЯД НА ЯВЛЕНИЕ ИЗВНЕ**

Современное общественное знание, описывая новейшие процессы интеграции экономической, политической, духовной жизни, широко использует понятие «глобализация». Между тем первыми опытами унификации жизни, поиска общих норм поведения и единых стандартов жизни можно признать опыт сосуществования народов в рамках мировых империй. Активизировавшиеся на историческом поле Евразии национальные конфликты разбудили ностальгические воспоминания о гигантских империях, которые умели снимать межэтнические противоречия, вести сбалансированную внутреннюю и внешнюю политику.

Научная мысль уже не воспринимает национальное государство как наилучший вариант управления большим обществом, удачным вариантом человеческого сообщества. В публицистических и научных выступлениях ряд авторов предлагают изучить и осмыслить имперский опыт решения межэтнических, межконфессиональных противоречий [1].

Проблема восприятия и осмысления опыта Российской империи в англоязычных справочно-энциклопедических изданиях составляет предмет данной статьи. Интерес к проблеме обусловлен и слабым знакомством отечественных историков с этим видом источников из-за искусственного ограничения доступа к ним в советское время, и скептическим отношением к зарубежным исследованиям в советскую эпоху.

Политическую заданность и предвзятость подхода к западным изданиям можно проследить на примере смелых оценок Британники - крупнейшей англо-американской энциклопедии. Большая Советская Энциклопедия в 1927 г. сообщала читателям, что это издание пользуется мировой известностью, уделяет значительное внимание СССР, дает на своих страницах отражение господствующих и популярных точек зрения [2]. Печально-знаменитое 2-е издание БСЭ писало в 1951 г., что энциклопедия имеет крайне скудный словарь, рассчитана на узкий круг людей, характеризуется большой реакционностью, пропагандирует поповщину и мракобесие и даже (!): «В силу своей реакционности Б.э., главным образом, удовлетворялась компиляциями» [3].

Среди обществоведов бытует мнение, что корректнее в научной работе ссылаться на монографии и статьи, чем научная значимость энциклопедических очерков занижается. Не стоит упускать из виду и то, что справочно-энциклопедические издания формируют и дают представление исследователям об обыденных образах России в сознании зарубежных граждан, именно эти источники помогают глубже понять механизмы формирования идеологических стереотипов и мифов, постичь глубже то, что Марк Блок называл «наукой о людях во времени».

Необходимость обращения к изданиям Великобритании и США обусловлена тем, что в прошлом веке практикой стало создание межгосударственных энциклопедий. Британника с 11-го издания создавалась в Лондонском и Нью-Йоркском офисах. Американское влияние стало со временем столь серьезным, что в последнее время британские справочники печально констатируют: именно с этого издания энциклопедия стала приобретать отчетливый американский тон (... and today having a distinct American tone) [4]. При выборе работ мы руководствовались классификацией отечественных библиографов, относящих к справочным изданиям работы, главное функциональное значение которых состоит в представлении материала в форме, удобной для получения справок, книги, рассчитанные преимущественно на выборочное чтение; к подвидам подобных изданий относят словари, справочники, энциклопедии [5]. В работе над темой использованы универсальные энциклопедии (Британника, Оксфордская, Word Book Encyclopedia), словари Палмера, Пирса, тематические энциклопедии (историческая энциклопедия Kingfisher) и другие справочники.

Интерес к Российской империи западная общественная мысль проявляла всегда, и отечественная тематика достойно представлена во всех солидных изданиях. Это и понятно: Россия в эпоху наивысшего расцвета занимала 1/6 часть суши, для сравнения крупнейшая в мире Британская империя напрямую контролировала 1/4 площади земли. Обе империи оказали огромное влияние на судьбы народов, вовлеченных прямо в имперскую систему или оказавшихся в геополитической сфере влияния двух держав. Восприятие имперского прошлого другого государства англо-американской общественной мыслью опирается на собственный старый или новейший имперский опыт.

Российская и советская историческая наука традиционно много внимания уделяла и уделяет толкованию понятий, объяснению терминов, в отечественных энциклопедических изданиях всегда отводится должное место четким дефинициям, полным определениям. Исторические процессы и явления отражаются в категориях, точно сформулированных и хорошо структурированных. Западные обществоведы избегают четких определений и однозначных дефиниций, полагая, что многообразие исторических типов процессов не позволяет их стереотипизировать, исследователь должен скорее разобраться в индивидуальной неповторимости явления или найти какие-то общие тенденции и черты. Этот подход может быть проиллюстрирован типичным для западной науки высказыва-

* © Л.В. Белгородская, 2005.

** Статья посвящена особенностям восприятия Российской империи в англо-американских справочно-энциклопедических изданиях XX в.

нием английского историка Р. Камерона, написавшего в предисловии к своей монументальной обзорной истории мировой экономики, что он будет избегать устоявшихся терминов, поскольку они служат как удобные сокращения и вербальные обозначения сложных комбинаций событий или идей. Главный порок устоявшихся обозначений, по мнению автора, состоит в том, что они легко обрастают стереотипами: «В действительности эти термины слишком часто вводят даже опытных ученых в искушение отказаться от анализа фундаментальных событий или идей, вместо того, чтобы использовать эти термины в качестве орудий такого анализа» [6].

Ключевое понятие «империя» не получило даже в узкоспециальных, академических и универсальных изданиях должного внимания. Авторы либо дают так называемое симптоматическое толкование, перечисляя признаки империи, либо анализируют конкретный исторический опыт мировых империй (The Macmillan Encyclopaedia). В знаменитой Британнике «империя» толкуется как политическая система, объединяющая людей разных культур и этносов, находящихся под управлением эффективной центральной власти, либо как термин для обозначения государства большого размера, сложного состава, часто, но не обязательно управляющегося императором [7].

Гораздо более популярно оперирование понятиями «империализм», «колониализм» и описание исторических процессов в России в рамках этих концептов. «Империализм» толкуется как территориальная экспансия наций и их доминионов, направленная на другие страны. Принято различать мощные империи, созданные путем открытых захватов до XIX в., и поздний империализм, который стал с конца XIX в. в большей степени проявлением экономической политики капиталистических стран. Древнейшие империи отличались ставкой, в первую очередь, на использование грубой военной силы, сильное воздействие религиозного фактора и существование прекрасно организованного бюрократического аппарата. В соответствии с западной традицией государство Киевская Русь оценивается как имперское образование. Московское царство, безусловно, толкуется как сильная империя Рюриковичей. Доводы авторов представляются весьма убедительными, поскольку завоевание Казанского, Астраханского ханств не укладывается в решение задачи «собрание русских земель». Покорение этих территорий было завоеванием суверенных государств, никогда не принадлежавших Руси или Московии. К XVI в., по мнению зарубежных исследователей, Россия была полиэтнической и поликонфессиональной, крупнейшей в Европе империей. История Московского царства не привлекает большого внимания англо-американских авторов, описывается как варварский этап истории, когда страной управляли или «полусумасшедший, кровожадный Иван Ужасный» (a half – mad, bloodthirsty Tsar Ivan Terrible), «губительный, плохой правитель» (disastrously bad ruler), или «idiot» Федор, не умеющий даже обуться самостоятельно; Смутное время - время неприятностей (Time of Troubles) – сопровождалось приходом к власти «убийцы Дмитрия» Годунова. Даже факт утверждения Москвы в статусе столицы нового государства оценивается иронически, поскольку центр политической страны отделился от центров западной цивилизации еще на 600 заснеженных миль, если за ориентир выбрать Киев [8].

После прочтения зарубежных работ складывается впечатление, что российская история оценивается только в рамках западного целеполагания и атлантической системы ценностей. Слова «вестернизация», «модернизация» воспринимаются как критерий исторического прогресса зарубежными авторами. Продвижение собственной системы ценностей сопровождается описания любых этапов развития нашей страны.

Основное внимание в имперском строительстве отводится XVIII-XIX вв. российской истории, при этом бесспорными лидерами процесса называются Петр I и Екатерина II, поскольку их западная система ценностей и направление развития были заданы на весь XVIII и часть XIX вв. В капитальном исследовании «Западные цивилизации» (Western civilizations) содержатся очень полные хронологические таблицы, включающие важнейшие события политической, научной, культурной жизни различных цивилизаций. Из дореволюционных политических лидеров России названы только Петр I и Екатерина II, что абсолютно естественно, учитывая систему ценностей западного мира. Тщательно изучив персоналии англо-американских справочных изданий, можно уверенно назвать русский обязательный минимум персоналий политиков - Иван III, Иван IV, Петр I, Екатерина II, Александр I, Александр II, Александр III, Николай II, при этом большой объем информации, положительный имидж гарантируются царям-западникам.

Описание внешнеполитических действий России в XIX в. сопровождается указанием на активизацию ее экспансионистских действий в четырех направлениях: Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, центральная Азия. Россия стала к концу XIX века великой азиатской страной, только Александр III увеличил центрально-азиатские владения России на 422,895 кв. км и приблизил южные границы империи к афганскому Герату [9]. На этой точке расширение южных пределов было остановлено усилиями Великобритании, озабоченной, по мнению авторов английских изданий, сохранением суверенитета Афганистана. Конец XIX в. был временем активизации мобильности населения, когда поток эмигрантов из Европы устремился в трех главных, по мнению англо-американских авторов, направлениях – Америка, Сибирь, Австралия. Не менее 55 млн европейцев сменили традиционные места проживания с 1820 по 1920 гг. К характерным чертам так называемого «нового империализма» относят рост активности имперских держав в прежде независимых территориях (Африка, острова Тихого океана), увеличение втрое темпов раздела новых земель между великими державами (за первые 75 лет XIX в. империи поставили под контроль 215 тыс. км², а с 1870 г. по 1914 г. 620 тыс. км²) [10]. Britannica сообщает читателю, что к началу Первой мировой

войны колониальные державы составляли 85 % территории Земли. В ряду вновь активизировавшихся имперских государств наряду с Германией, США, Японией традиционно называют Россию.

Отечественные обществоведы в течение века находились под сильным влиянием теории империализма В.И. Ленина, основанной, во многом, на трудах английского исследователя Джона Гобсона. Интерпретируя империализм в рамках экономических категорий, защитники теории полагали, что по мере накопления капитала и исчерпания возможностей сбыта продукции капиталисты прибегают к экспансии для получения контроля над новыми регионами и продажи продукции и инвестирования капиталов в эти регионы. Критики концепции уже в начале прошлого века доказывали, что новые колонии не примут избыток населения из-за отдаленности районов и тяжелых климатических условий жизни, к тому же сбыт излишков товаров представлялся нереальным из-за бедности населения новых территорий. Самую сильную критику вызвала недостаточная изученность в рамках этой концепции мотивов имперских действий. В середине века даже популярное издание, рассчитанное на неискушенную обывательскую читательскую аудиторию, не говоря об универсальных энциклопедиях, писали о работах немецкого социолога Йозефа Алоиза Шумпетера, попытавшегося комплексно изложить причины роста международной экспансии. По мнению автора, ставка на силовые методы в политике, признание военной целесообразности расширения геопространства, влияние идей социального дарвинизма, европоцентризм и другие причины привели к росту мирового экспансионизма на рубеже веков. В изложении Британники базовые положения Шумпетера, разделяемые большинством западных исследователей, выглядят так: «В конце XIX в. имперские устремления были вызваны отчасти необходимостью расширения торговли, отчасти стремлением к военной славе или политической выгоде», «Современный империализм не является продуктом только капитализма», «капитализм лучше сочетается с идеей мира и свободной торговли» [11].

Таким образом, справочно-энциклопедические издания толкуют империализм как политический, экономический, культурный и психологический феномен, охватывающий несколько веков мировой истории, прошедшей в своем развитии не менее двух этапов.

При описании войн так называемого «ново-империалистического периода» принято много внимания уделять истории русско-японской войны, мировое значение которой состоит в первом в новое время грандиозном поражении европейского государства от азиатской державы. Оценки обзорных материалов очень острые – «Балтийский флот прошел 28 тыс. км со своей базы до Восточно-Китайского моря и был потоплен в Цусимском проливе», «Цусимское сражение явилось военно-морским триумфом Японии», «Тотальное поражение в Цусиме», «Россия потеряла престиж». В 11-м издании *Britannica* и до 1/3 всех материалов в базовом очерке «Россия» посвящено русско-японской войне. 2004 год – год столетия русско-японской войны, и есть резон внимательно изучить материалы о ней в зарубежной литературе. Конечно, отдельные авторы отмечают героизм русских офицеров и матросов, восхищаются их подвигами. Английская историческая энциклопедия сочувственно пишет о гибели командующего Тихоокеанским флотом: «Адмирал Степан Осипович Макаров погиб вместе с 18 офицерами команды и 620 матросами. Василий Васильевич Верещагин – хорошо известный русский художник-баталист пошел на дно вместе с ним. Вице-адмирал Макаров командовал флотом только 36 дней».

В работах, на наш взгляд, преувеличивается миротворческая роль США в подписании Портсмутского мира и личный вклад Теодора Рузвельта в переговорный процесс, за что тогдашний президент получил Нобелевскую премию мира. На самом деле позиция США не была честной и открытой по отношению к России. На Портсмутской конференции японская делегация требовала все Курилы и весь Сахалин однако, страна была настолько истощена войной, что Япония была готова согласиться на принадлежность Сахалина к России без денежной компенсации. Американцы знали о таком повороте ситуации и «помогли» России как могли. Т. Рузвельт направил Николаю II телеграмму, в которой сообщил о твердой позиции Японии и угрозе потери территории восточнее озера Байкал в случае провокации. [12].

Итак, отечественная и зарубежная традиция считать, что США сыграли благородную роль для России в период русско-японской войны, восходит к 30-м годами XX в., когда СССР налаживал отношения с США и положительный имидж Америки формировался службами НКВД.

Новейшая историографическая тенденция состоит в изучении России XVIII-XIX вв. в рамках концепции модернизации, понимаемой как совокупность социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества в либеральное. Каждой попытке модернизации соответствовала определенная модель устройства имперской системы. Если доиндустриальные модернизации были нацелены на расширение и упрочение государства, реформу государственного аппарата, военного дела, то индустриальная модернизация конца XIX – начала XX вв. сопровождалась борьбой с развитыми странами Европы, Америки и Азии за мировое лидерство, в это время реализовывалась программа демократических преобразований, крепла национальная элита на окраинах государства. Но даже модернизация С.Ю. Витте не изменила «полицейского характера» России. Государственные структуры оказывали исключительно сильное влияние на все стороны общественной и частной жизни, что позволило Британнике сравнить Россию по силе бюрократического аппарата с «архаичной Египетской империей». 11-е издание энциклопедии сообщило читателям любопытный факт – в

России в начале XX в. дворники были сотрудниками или осведомителями полиции и были обязаны в течение 16 часов в сутки следить за порядком, не имея права даже в непогоду укрыться в парадной.

В плане обозначенной проблемы уместно привести лингвистические наблюдения. Западный мир оценивает историю Российской империи в рамках истории, в первую очередь, русского народа. Прилагательное «Russian» имеет значение «русский» и «российский», поэтому и «Russian Empire» понимается западным читателем и как империя русских, и как особая российская политическая система. Отечественный вариант названия – Российская империя – можно признать более политкорректным, поскольку история многонациональной империи отделяется от самого многочисленного и империоформирующего этноса. Отечественная наука оперирует добрым десятком терминов, описывающих рост государства, – «освоение», «колонизация», «воссоединение», «рост», «раздел». Они имеют разную эмоционально-смысловую окраску. Английская лексика располагает очень ограниченным и жестко-определенным набором слов – «annexation» (аннексия), «expansion» (экспансия), «partition» (расчленение). Для классической имперской страны подобный подход представляется логичным, поскольку полностью сочетался с имперской дихотомией «метрополия - колония».

В плане отмеченной особенности представляет интерес анализ исторических карт, помещаемых в справочных изданиях. Сразу отметим их высокое полиграфическое качество, информационную насыщенность, многообразие. Среди удачных карт, посвященных Российской империи, надо отметить следующие – «Русская экспансия в Азии», «Русская экспансия в Европе и на Кавказе», «Экспансия России в 1300-1796». На английских картах начала XX в. европейская часть страны обозначается «Россия», а азиатская – «Российская империя». Это полностью согласуется с классическим, можно даже усилить определение – британским, подходом к империи, где точно известно, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток». В американских энциклопедиях встречаются удивительные для отечественного читателя рубрики: «Великобритания и Британская империя», «Россия и Российская империя» [13]. Для российского же менталитета, наоборот, империя есть расширившаяся до Тихого океана, Афганистана и Китая Русь.

В плане выявления специфических особенностей Российской империи представляет интерес выделение всеми изданиями желания страны к концу XIX в. сосредоточиться в евразийских границах, твердое желание властей строить сугубо континентальное будущее России и вытекающее из этого решение продать Аляску.

Среди самых удачных справочных изданий по истории Русской Америки стоит выделить тщательно оформленный, хорошо написанный биографический словарь Ричарда Пирса [14]. В него включены сведения о 675 исторических деятелях, причастных к истории «Русской Аляски». Во всех изданиях всегда отмечается, что до XVIII в. Аляска называлась Русской Америкой, подробно описываются экспедиции В. Беринга, Б. Чичагова и даже можно встретить спорные оценки, что именно с 1744 г. Аляска стала колонией России. Западные авторы отмечают значение экономических мотивов в решении России закрепиться на американских берегах – добыча морского бобра, продажа американским штатам запасов льда, в то время как отечественные авторы часто фокусируют внимание на научно-исследовательских задачах экспедиций, миссионерских целях колонистов.

Решение продать Аляску чаще мотивируется желанием властей наладить отношения с Америкой, опасением усиления позиций Великобритании в этом районе, надеждой решить экономические проблемы России. В не имеющем аналогов в отечественной библиографии американском справочном издании «Американская книга дней» (American Book of Days) есть информация о трех праздниках, связанных с вхождением Аляски в состав США. Много в этих сообщениях вызывает чувство горечи за необдуманное решение царских властей: и то, что ровно через 5 лет на Аляске обнаружили огромные запасы золота; и то, что фактически выплата смехотворно маленькой суммы произошла только через год; и то, что русские жители Аляски день передачи территории воспринимали как печальное событие. Последний правитель Аляски Дм. Максютков три недели не разрешал 250 американцам, прибывшим на церемонию передачи, высадиться на русский берег. Во время церемонии спуска царского флага порыв ветра бросил полотнище на штыки караула, и разорванный символ России вручили плачущей жене Дм. Максюткова [15].

Госсекретарь США Сьюард чувствовал стратегическую выгоду от приобретения «ледового ящика» (ice-box) и день и ночь трудился над подготовкой проекта договора. Уже в начале XX в. западные издания писали с удивлением и иронией, что купленная за 7.200 тыс. долл. Аляска с 1867 по 1903 гг. принесла доход 9 555 909 долларов американской казне [16]. Новейшее издание Оксфордской энциклопедии сообщает, что русские получили лишь по 5 центов за 1 га земли, полностью упустив из виду геополитическое значение региона [17].

Итак, западный образ Российской империи представляет собой картину огромной территориально, архаичной по системе управления, гетерогенной по составу, не прошедшей полностью стадию модернизации, империи, имеющей мало общего с западными имперскими образованиями, похожую больше на Египетскую, Османскую, монгольскую державы. Анализ лингвистических особенностей формирования имиджа России позволяет исследователям улучшить представления об особенностях восприятия России на Западе. Достижения и просчеты зарубежных изданий могут быть использованы при создании новой универсальной энциклопедии России, задуманной как издание, свободное от политической заданности, идеологических штампов, характерных для всех энциклопедических изданий советского периода. Обращение к читателям новой энциклопедии заканчивается

пророческими словами: «В плавании в океане современных знаний отправятся и другие энциклопедические флотилии» [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Капеллер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Капеллер. - М. 2000; Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика / С.И. Каспэ. - М., 2001.
2. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. Т. 7. – 1927. - С. 546.
3. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 6. – 1951. - С. 118
4. Книга: энциклопедия. - М., 1999. - С. 612, 732.
5. Room A. An A to Z of British life. Dictionary of Britain. 1990. p. 114
6. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Р. Камерон; / пер. с англ. – М., 2001. С. 12, 17.
7. Britannica, 15 ed, v 25, p. 1004.
8. Britannica, 15 ed, v 26, p. 966-967, Lerner R., Meacham S., Burns E. Western Civilizations. 11ed., p.1988, p. 611, 612.
9. Britannica, 15 ed, v 18, p. 753. Britannica, ed 11, v 1, p. 476
10. Britannica, ed 15, v 18, p. 750-751.
11. Ibid, p. 752. Интерес к экономическим работам, идеям социолога можно объяснить изданием в 2001 г. в Санкт-Петербурге книги Й.А. Шумпетера «История экономического анализа» (СПб, 2001). Работы по теории империализма, к сожалению, не изданы.
12. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. - М., 1999. - Т. 2. - С. 311; Карманная энциклопедия «The Hutchinson». - М., 1995. - С. 471; Palmer Alan. Dictionary of twentieth century history. 1900-1989. 3 ed. 1990, p. 349. The Kingfisher History Encyclopaedia. WWW iss. stthomas. edu / study gudes /; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. - М., 2003.
13. The World Book Encyclopaedia, Chicago, 1946, V.19, p. 8275.
14. Pierce R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. Fairbanks, 1990
15. The American Book of Days. N.Y., 1978, p. 309-310, 935 - 936.
16. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. - М., 1999. - Т. 2. - С. 10.
17. Britannica, 11 ed, v. 1, p. 476.
18. Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т.1: Россия. – М., 2003. - С. 5.